

АМЕРИКА В РОССИИ*

Х. Иваново-Сергиевский завод**

Рельсовый путь из Людинова в Песочное начал строиться. Мы должны были проехать по участку только – что проложенному. Направо и налево еще группировались рабочие, когда наш поезд проходил мимо. Эта часть дороги выстроена зимой в течение двух недель и уже работает исправно. Весной только пришлось поправить кое-где обмякшую почву да укрепить прокисшие болотины. Теперь мы ползем по ним, не чувствуя никаких неудобств. Движение по этому рельсовому пути очень уже значительно. Более 3 000 000 пудов груза провозится здесь, и если бы не чугунок, то заводы должны были бы остановить свое дело. Конная сила местного крестьянства давно оказалась крайне недостаточной. Несмотря на высокую плату и давно устроенное, хорошо поддерживаемое, шоссе, лошади от бескормицы падали, да и прежнего их количества было очень мало. Вообще численность скота у местного населения понизилась до минимума. Все, что живет заводами, еще не так нуждается; но то, что в не их района, существует последнее время по неисповеди и благодати Провидения. Топи, потрескавшиеся сушины не дают довольно сена. Едва- едва хватает его на ползимы.

**) Русская мысль, кн. IV.*

****) Автор этих очерков просит не смешивать заводов и района, описываемых им, с таковыми же другого, ныне умершего, Мальцова, во Владимирской губернии. Это - две противоположности. Между теми и другими нет ничего общего. Я полагаю, что недоумение многих читающих мои очерки объясняется исключительно этим обстоятельством. Владимирские заводы были основаны на чисто эксплуататорских началах. Оттуда, случалось, даже сотнями высылался народ в ссылку и вообще так практиковались приемы, обыкновенно вызывающие так называемые «бунты» населения.*

В остальную половину скот объедает прогнившую солому с кровель, молодую хвою, поднявшую из под снега, даже хвосты один у другого. Страшно посмотреть на мужицких коней, выгнанных в первые весенние дни на старый, засохший подножный корм. Они едва держатся на ногах, как то расползающихся во все стороны. Шерсть кое – где сбилась войлоком, клочьями, в других местах совсем вылезла , обнаруживая рыжие плешины. Головы повисли немощно; кажется , едва- едва хватает силы поднять их.

-У нас теперь кони такие, что подпирать их надо с обеих сторон. Точно старый забор покосился,- коли не подставить балясины, рухнет.

- Вот как: голые ветки – и те объест конь. Брюхо –то у него, гляди выпучено, по земле волочится, потому- деревом набито... И коленют же, борони их Бог,-- страсть коленют!

Есть такие деревни по окрестностям, где на девять дворов по одному коню осталось. Живет их население тем, что на заводе получит, если у завода своих рук мало окажется. Но в настоящее время иностранный ввоз убивает русское производство наповал. Всюду

поэтому сокращается дело; тысячи народа могут оказаться ненужными. Сначала откажут чужим, а потом и местных выбросят на улицу. Куда денется эта беднота оголевшая?...

-Поэтому нам одно остается- ложись посередь поля на болотину да помирай!

-А поля?

-Поля у нас хлеба не родят. Какое тут поле!...Царапай землю, поди, сколько хочешь,- ничем она тебя, родимая, не порадует....Около ей, около земли, только даром промучаешься. Бывает так, что и своего зерна назад не вернешь. Озябла наша земля то , насквозь озябла.... Тут по всей округе хлеб-то мы покупаем. Заводы нас только и питают.

Вы откуда, братцы?

- На заводах работали, у немца.

-А теперь?

-Ищем , хлеба бы где... Нас с заводов –то распустили. Иди , куда хочешь.

-Что же, обнищал немец, что -ли?

-Чего обнищал? Зачем ему нищать – то... Он немец настоящий. А только от начальства такой приказ был... Вишь ты: чернети много развелось, так начальство пугается , как бы чего не вышло. Ну, и позакрывало заводы.

И с каким все это говорится спокойствием, точно тараканов вымораживают.

Таким путем и в этом районе «конская сила» мало – помалу таяла да таяла, так что во время не проведи эту железную дорогу - и несколько заводов могло бы остановиться. Нельзя было бы доставлять в Песочную , в Иваново – Сергиевское, в Людиново миллионы пудов руды, также как невозможно оказалось бы возить из этих пунктов продукты их производства.

Мрачный, суровый лес поднялся по обеим сторонам дороги. Впереди он сдвинулся темной стеной, позади – тоже, точно пропуская нас на одну минуту и опять смыкаясь за нами. Солнце бьет в него сверху, но золотые лучи бессильно скользят по вершинам столетних великанов...Кое-где пронизет горячая, огнистая, червонная струя темную, холодную рошу, выхватит из нее бархатную моховую площадку, затлеет под живительным пламенем зеленая ветка захиревшей среди сплошных сосен березы, затлеет, точно зажигаясь по краям. И опять все сурово и гладко, и опять дремучее царство, осилив даже солнечный свет, подергивается холодной тенью. Опустив свои ветви, точно отяжелевшие веки, опять старые ели...Верста за верстой без полян, без прогалин. Свистнет неуверенно, робко, испуганно как-то случайно залетевшая сюда пташка, да и она спешит поскорее выбраться прочь, подальше от этого сонного царства неподвижных вершин, прямых, как колонны, стволов и бархатных моховых понизей...

-Птица не любит этого леса !- в одно время со мной сосед наталкивается на ту же мысль.

-Почему?

- А вишь как он насупился, да молчит. Птице воздух да солнце нужны. Ей чтобы небо было видно, чтобы цветики алые улыбались.... А тут совсем другое. В кладбищенских церквах бывает так-то: торжественно и печально в одно и то же время.

Сравнение действительно верное. Торжественно и печально стоит этот молчальник в своей темнозеленой схиме.... Думает какую- то вечную думу и чудится нам, что дума эта не от мира сего, что за тысячи лет назад или за тысячи лет вперед унесся пустынный своею нездешнею мыслью. Даже от солнца заслонился этот аскет, потому что солнце жизнь любит и к жизни зовет, а этот траурный лист безмолвно говорит душе о вечном молчании и безнадежном покое смерти!..

- Вы на то обратите внимание, что этот лес прямо у завода остался!- замечает мне спутник мой в сером армяке, управляющий одним из больших хуторов. - Не съел его завод.

Какой завод съест его! Напротив, кажетсяч, вот вот надвинется эта полная сумрака и прохлады масса и задавит под собой суетой и трудом кипящее Людиново.

-Как вам нравятся наши леса?- обращаюсь и к французу Гюитьеру.

-Леса?...Да...Нет, какие в Людинове чугунные горшки делают!...

-Что такое?- не понял я.

- Какие, говорю, чудесные горшки в Людинове. Тонкие , как воздух. Кажется, насквозь видно!

Вот и толкуйте после того со специалистами- техниками. Дремучее царство кругом, на всякую живую душу действует оно своею мощью, а тут человек из-за горшка ничего вокруг себя не видит. И, ведь, как дело до горшка дойдет, так он потом становится.

- Вы знаете, когда он раскалится, этот горшок, - так точно лепесток розы: тонкий, алый весь, сквозной...

Я даже плюнул. Вода бежит по сторонам рельсового пути, сама указывая ватерпас и мало - помалу подтачивая почву.

-Ведь, она смоеет полотно.

- Мы же, ведь, по неоконченной дороге едем. Она всего две недели строилась. Теперь начнем делать отводные каналы. Все Болва. Она в этом году страшно разлилась и сюда в лес по пути заглянула. Ну и смыла кое - где.

Бурелом по сторонам. Вековые деревья вырваны с мясом, т.е. с корнями. Засыпанные землей , торчат они кверху...Кое- где на них по земле даже трава поползла, точно хочет своим зеленым ковром прикрыть это безобразие. На месте сломанных бурей великанов молодятник поднялся, но слабый и чахлый, как золотушное, болезненное, бледнолицее, слабое поколение детей, толпящихся вокруг рослых и сильных стариков, точно взявших себе все жизненные соки и ничего не оставивших на долю других.

-И на тебя сила есть! – смотрит в лес мой спутник .

-Что?

- А я, вот, об этом царстве нашем сосновом говорю. И на него сила есть, - ишь повырвало. Точно дерево это, как башня вавилонская, до неба дорости хотела, Божьему солнцу дороги не давало, гордыней превозносилось...Его гроза и смирила. Лежит теперь мертвый великан, разбросав по сторонам свои голые руки. Где ветви, где корни – не разобрать...Все перепуталось донельзя!

Хижины железнодорожных рабочих муравьиными кучами кажутся у этих деревьев . Внутри леса стальным блеском , точно налитые чернилами, мерещутся четырехугольники выемок, откуда брали землю для железной дороги .Они сплошь наполнились водой. В этих мрачных прибежищах, в вечной тени - тишина и спокойствие. Даже дичь, которой по - душе сырые места., не летит сюда...

-Железная дорога не смыта, как видите, не дала посадки. На больших железных дорогах сразу-то ездить нельзя. А тут – сколько угодно.

Вот вам еще одно из преимуществ этого рельсового типа. Тишина кругом под конец давить начала. Точно в склепе заперли нас. Только Гюитьер какие – то цифры выкладывает в своей записной книжке. Математический ум этого техника только и понимает поэзию чисел. Его природой не удивишь. Он понимает ее только как материал для производства. Вечной красоты ее не заметить ему. Она не говорит его сердцу.Какой-нибудь паровой молот столь же поддался бы очарованию окружавшего нас леса, сколько и этот специалист, хотя он же чуть не стихами заговорил в заводе среди проводов, колес, рычагов. Вот на пути целая артель в белых рубахах и белых войлочных шамках.

-Бог в помощь!- кричали им с нашего поезда, медленно проходящего , точно сквозь их работу саму.

-Счастливой дороги !- И согнутые спины разгибаются в измозоленные руки лениво приподнимают шапки над всклокоченными головами.

-А вы бы поторопились, - ишь как лениво двигается дело у вас , - слышится с нашего поезда.

-Чего торопиться! Ты погляди-ко...земля!

-Что- же земля?

-ДА прокисла вся! Ишь как ее водой –то просочило... Теперь она насквозь...Жидкая!...

Какой – то кирпичный завод мелькнул в стороне. Лошадь с телегой завязла в боковой трясине и понурилась...Бился, бился с ней мужик и тоже понурился... Стоит и думает...Наш поезд останавливается на последних рельсах.Дальше еще только прокладывают их.

Чего ты?- подхожу я к мужику.

Поднял на меня бесцветные глаза недоумело как-то.

-Что ты это?

-Ишь, охлибла лошадь-то... Не скинута с места, рабочие пока подсобят.

-И телега-то пустая!

-Да конь голонный...Еле-еле сам-то идет. С соломы-то не больно окрепнешь, только что животы разопрет.

Лошадь точно спит.

--У нас у самих-то корма какие...Рубль семьдесят за хлеб платим...Семья тоже... Дети малые, жена...

Что-то захрипело в горле у мужика, голос оборвался на полупhrазе... А глаза все так же апатичны и белесоваты. У него и у самого, как у коня, от скверной пищи брюхо выперло, а ноги – видимое дело – совсем слабы...

-Оголодали!- опять что-то хрипит у него в горле, точно там поворачиваются какие-то старые ржавые петли.

Мы пошли вперед пешком.

Лес разредел, выпустил нас и сам точно отбежал назад...Впереди темные стены и черные трубы старого завода. Болва делает тут красивую луку, синицы и ольшанки орут в густой поросли на ее берегах, еще на половину залитых водой. Босоногие мальчуганы и девочки зашли в реку и возятся в ней, точно стараясь перекричать птиц, а солнце сверху щедро обливает своим золотым светом и жаром и эту спокойную воду весеннего разлива, и лозняк, уже оперившийся нежными, мягкими листками, и завод – всюду, куда только ни взглянешь, заплатанный ржавыми железными листами.

Вся эта старая масса, подымавшаяся перед нами, и есть Ивано-Сергиевск, где прокатывают железо, делают паровозные колеса, льют сталь, плавят чугуны в громадной домне. Всего здесь вырабатывается 40 000 пуд. Стали и 200 000 пудов чугуна. Первая выходит из сталеварен Мартена. Чтобы дать понятие об оборотах этого старого проржавевшего и на первый взгляд неприглядного завода, нужно опять обратиться к более подробным цифрам.

Средним числом здесь работает 2395 мужчин, большею частью из жителей села Ивано – Сергиевского и из окрестных деревень. Вместе со взрослыми рабочими сюда являются поденно 35 подростков мальчиков. Женский персонал завода далеко не так многочислен. Пять женщин и пятнадцать девочек возятся у домны наверху и в формовальнях.

Работы производятся тремя паровыми котлами, двумя паровыми машинами - одною в сорок, другою в пятьдесят сил, двумя паровыми машинами - одною в сорок, другою в пятьдесят сил, двумя водяными колесами, в сорок сил каждое. На всех этих механизмах сжигается ежегодно:

Дров 7 010 куб. саж»на 25 050 руб.

Сучьев 1 310 « » » 2 960 »

Каменного угля и кокса 11 431 пуд. » 6 511 »

Самые потребности здесь так невелики, что жалованья, выплачиваемого властям, совершенно им достаточно. Традиционные армяки и сарафаны уничтожают возможность франтовства, а упорный труд и необходимость постоянного пребывания у горна, у печи, на домне, при машине не даст особенно больших досугов. Сверх того власти не деморализованы столицей, а вышли из тех же самых рабочих людей, образом жизни и обликом от них не отделились, и живет все это своеобразное царство одною семьей, без ссоры и раздора.

К Ивано - Сергиевскому заводу руда доставляется жителями Земницкой и Которской волостей Жиздринского уезда, с уплатой им от 10 -12 коп. за пуд, часть же ее вырабатывается на своих рудниках в Устах, причем обходится заводу в 5, 6, 7 коп. пуд. Флюсы обходятся заводу по 2 коп. пуд. Продукты заводского производства отправляются в Орел, Харьков, Москву, Ригу, Петербург железными дорогами и сплавными путями сначала по реке Болве, а потом Десною и другими - в Киев, Кременчуг, Херсон, Ростов и прочие города, Жиздрой – в Оку и Волгу. Число рабочих часов здесь в сутки: взрослых - 12, малолетних - 8.

В самом заводе, когда мы вошли туда, было темно и прохладно. Целый лабиринт балок уходит вверх в непроницаемый сумрак, только кое-где сквозь продырявившиеся железные листы кровли солнце проникало золотыми нитями в этот таинственный мрак, выхватывая из него то закопченную массу домны, то какие-то печи, то спокойно спящего на мягкой земле рабочего. Одному прямо на нос упала эта горячая золотая нить, а он не шевельнется... Только голова одна и видна из сумрака, - ноги и руки уходят в тень... Все еще кругом крепко и прочно, хотя и не поддерживается. Здесь в этом отношении усвоен особый взгляд. Здание заводов не для рекламы, а для дела. Стопит прочно, штукатурить его не станут, потому что не из чего.. Повторяю, дворцов промышленности, от которых так и веет буржуазною, разуваевскою спесью, здесь не найти.

Не особенно велики барыши, чтобы строить на них вавилонские башни. За то и той нищеты, которая так разительно бьет в глаза среди рабочих этих вавилонских башен и промышленных дворцов, вы здесь не увидите вовсе. Повторяю, изучение этого края, столь близкого к центрам, так удобно посещаемого, в высшей степени поучительно. Всюду здесь оригинальные особенности.

Вода в шлюзе шумит и бьется. Закроешь глаза и чудится, что стоишь над Иматрой... Грохот и суeta неустанного труда охватывают вас отовсюду; ветер, дующий с реки, веет свежей весенней прохладой. Как-то оживаешь здесь, - смолкают разбитые нервы, спокойно бьется сердце... Мальчишка лет двенадцати сидит за телеграфным станком. Сквозь окна я вижу отсюда, как серьезно постукивает он в аппарат, насупив брови... Совсем взрослый... Другой, рядом, списывает депешу. По ту сторону реки Болвы строятся барки. Вот две, уже готовые, недвижно замерли на зеркале разлива, глядясь в него своими девственно- белыми, смолистым запахом леса пахнущими бортами. Откуда – то издали донеслась широкая, как самый простор этот песня. Разбудила что-то давно заснувшее в душе, всколыхнула ее стоячий покой и унеслась дальше... Ее звучному разливу не помешал ни грохот завода, ни дремучий ропот воды в шлюзах. Как-то сумела она выделиться из них, как выделяются из общего хора оркестра, из рева труб

перебоя барабанов, тихий, задушевный напев печальной флейты или меланхолическая жалоба тоскующей скрипки...

Как то привязываешься невольно ко всему этому трудовому краю, заброшенному в неприглядную северную равнину, под серое, цвета солдатского сукна, небо,- в климат, менее всего способный сделать пребывание здесь приятным. Кажется, нет здесь внешней красоты, а здоровая, правильная жизнь этой Америки в России так и тянет к себе из наших промозглых и душных городов. Кстати, ко мне уже обращались с запросами, почему я именно этот край назвал Америкой. Спешу ответить: по громадному развитию производительности, по обилию рельсовых путей и телеграфных сообщений, по массе заводов и фабрик, сосредоточившихся на сравнительно небольшом пространстве. Все это возникло, как и в Америке, без всякого участия правительства. Как и в Америке, сто лет тому назад здесь расстилалась совершенная пустыня. Медведи бродили по лесам, куда редкими поселками едва осмеливался вдвигаться человек. Теперь тысячи труб выбрасывают здесь темные тучи дыма, точно соперничая с осенними небесами нашего севера; десятки заводов и фабрик являются лабораториями, где труд человека борется с глупостью непрощенных опекунов и с суровыми условиями русской природы. В каждом уголке неприглядного края ум и предприимчивость празднуют свои бескровные победы над бедностью и невежеством...

-Вот этот Ивано - Сергиевский завод всего сорок лет как поставлен. До него здесь дебри были, а теперь тысяча человек около него кормится – кто на заводе, кто на сплаве, кто на извозе. Коли бы не это, пропадать надо. Хлеб родится плохой, - не проживешь землей – то одной. Поневоле выдумывать надо...

XI.Песочное.-Эмальировка

В Ивано – Сергиевском заводе нам подали лошадей. Нужно было отправиться в крайне интересный уголок этой русской Америки – в село Песочное, около которого вырос целый городок всяких заводов и промышленных заведений. Там и чугун льют, и стальные вещи делают, и металлическую посуду эмалируют, и всякого рода фаянс готовят, и образцовую земледельческую ферму устроили. Над Болвой направо нахмурилась кайма старого леса, за то прямо перед нами и налево стелется громадная зеленая равнина, кое – где изредка молодая луговая трава отливается нежно-золотистым блеском под солнцем. Серебряные щиты воды, оставшиеся от разлива, кажутся то клочками отраженного ими неба, то золотыми серпами – там, где лучи полуденного светила прямо падают в их извилины. За этой гладью. Большое село Погост, с белой церковью. Тут уже хлеб родится лучше, и крестьянство живет зажиточнее. Потому они и сеют, и на заводе работают. Против села Погост деревня Манино уж совсем другого характера. Нет кирпичных домов заводских поселков, нет двухэтажных изб. Тут уже кровли крыты соломой, целыми огнистыми ворохами тлеющей под солнцем. Зелень небольших деревьев - точно сквозная, пока совсем не облиствелась, не загустела. Издали только смутными облаками кажутся рощицы. Все время Болва нас преследует направо. Мы изредка видимее там, где крутояры понижаются, открывая светловодную излучину или недвижимый плес застоявшегося разлива. В остальных местах только по высокому, лесистому берегу и замечаешь, что под ним должна струиться красивая, но бешеная, порою, река.

-Пооди, много в ней рыбы ловите? – спрашиваю я у кучера.

-Рыбы?... Лещи, щуки, окуни, караси бывают; налимы тоже. Налимов много. Стерлядь есть, только она несправедливая самая...

- Это как ?

- Потому, какая рыба праведная, она от человека не бежит . Указано ей от Бога на пользу человеку, она и идет на уду, либо в сеть. А стерлядь – та правды не знает, лукавством живет. Тут у нас в Болве и сомы попадаются .

-Ну , вот еще!

- Верно. Пуда четыре иная рыбина вывесит. Нам только ловить некогда. Разве летом поспособнее, на заводах работы меньше, - ну, тогда ловим.

Окрестное крестьянство живет тем, что рубит дрова на заводы, получая за каждую кубическую сажень заработной платы по 1руб. 20 к. За доставку этих дров заводы платят особо. У кого исправные кони, тот везет за 15 верст дрова, причем пользуется хорошим заработком; у кого силы мало, тот передает соседям. При этом ценность кубической сажени владельческого леса доходит до 3 руб. накладных расходов. В последнее время все меньше и меньше является охотников на возку дров, несмотря на значительные платы. Как мы говорили выше, скотом крестьянство обездолилось совсем. Поля в этой местности засыпаны шлаком: способ возвращения земле необходимых ей веществ, о котором мы говорили в главе IX.

-Что же, здесь урожай лучше?

- Как же возможно!... Разумеется, лучше.

-Да шлаки, ведь , комьями остаются?

-Зачем?... Они быстро рыхлеют, от дождя и ветра золой рассыпаются.

Серые массы шлаков все чаще и чаще попадают в полях. Чем ближе к Песочному, тем местность кажется обработаннее. Лесное царство отошло назад, оставив в арриергарде мелкие рожицы и одинокие купы деревьев. Само оно едва – едва синее на горизонте, точно оттуда хочет надвинуться на безоблачное сегодня небо темная туча. Там водятся лоси и охотники били их прежде, но Мальцов запретил их трогать, и животные эти терпят пока только от медведя да волка. Лоси здесь ходят семьями , каждое в семь или восемь голов . Зимой они ближе подходят к жильям, а летом уходят в дрему и чащу лесного царства.Вон вдали мелькнула церковь , показалось громадное село, раскинувшееся на всей вольной воле, с кирпичными , характеризующими заводские деревни, домами, большими зданиями заводов.

-Вот и Песочное наше! – обернулся ко мне кучер.

Большая каменная церковь все вырастает нам навстречу, точно хочет поскорее добежать к нам , весело и приветливо поблескивая на солнце яркими окнами и золоченым крестом. Народ по пути рослый, здоровый, совсем не похожий на только что оставленные

типы. Железные кровли новых зданий блестят на солнце. Село кажется раскинувшимся на несколько верст. Когда-то оно принадлежало Голынским, но господа сначала разорились сами, устраивая всевозможные празднества, воздвигая дворцы, вообще, стараясь играть не последнюю роль на ярмарке глупого тщеславия и Бог знает с какого жиру взбесившегося, барства. Потом они разорили и население, доведя его до крайней нищеты. Крестьяне терпели – терпели и наконец явились гурьбой к Мальцову.

-Купи нас !

- Что вы, братцы...

-Пропадаем...Купи нас... Совсем изголодали мы.

Мальцов, действительно купил их у Голынских, которые тоже рады были развязаться с именем, высосанным дотла. Новый хозяин сейчас же, со свойственной ему энергией, занялся ими, и не прошло десяти лет, как местность оправилась, а теперь, через сорок лет, Песочное производит отрадное впечатление благосостоянием своего населения, живым и кипучим трудом его, которому точно тесно на этом просторе. До сих пор здесь встречаются старики, помнящие Голынских и страшное положение, до которого они довели этот район. Рассказы их ярко рисуют ужасную действительность.

-Слава Богу, что вовремя взяли нас, иначе поколели бы, как тараканы в холодной избе.

Прежде всего в Песочном мы отправились посмотреть эмальировальное заведение. Здешняя глазурь славится своей прочностью. Она может выдержать какой угодно огонь, не поддавшись ему вовсе. В сущности, все эти механические производства, кажущиеся такими нелюбопытными со стороны, на деле в высшей степени интересны.

В первом отделении эмальировальни готовится грунт – смесь кварца, глины и буры. Это – первый слой, которым покрывают чугунную посуду. Смазав ее грунтом, вставляют в печи, где она сушится. Затем второй слой – самая глазурь. Смешивают буру, селитру, соду, олово, магнезию, песок, фельдшпат в одну массу, сплавляют сплав в печи, где она густеет и сохнет кусками. Комья эти идут на мельницу под бегуны, потом под волокуши. Полученную пудру растворяют с частью воды и глины. Эмаль таким образом готова. Берут уже высохшую в печах посуду, обильно смазывают ее изнутри этой эмалью и отправляют в муфеля для прокалики.

Работа здесь сравнительно очень легкая .

Народ смотрит весело, нет измороженных лиц, измученных и осоловевших от вечной натуги людей. Дети пересмеиваются, тоже возятся около, никакого дела не делая. Сытые подростки у печей серьезно посматривают в голубое и розовое пламя, жадно облизывающее черные бока чугунных котлов, горшков, ковшей.

-Вкусно!

-Чего вкусно?

-Ишь как лижет. Ему, огню- то, чугун- за первое удовольствие... Оно его живо проймает.

И действительно, черные горшки, чугунная и другая посуда мало- по - малу краснели и накаливались; скоро в однообразной массе огня нельзя было разобрать ничего. Вот так горело и сияло багровым блеском, слепя и без того воспаленные глаза. Таким образом, через эти муфеля проходит 52 000 пудов разной посуды, с которою управляются тридцать взрослых и тринадцать подрастающих рабочих. Они получают задельную плату с каждого пуда по 19 коп., причем она делится между ними так, что красильщики получают на 30к. больше против простых рабочих, муфельщики на 1р.50к., мельники на 1р.20к., грунтовщики на 1р.25 к., составляющие эмаль и глазировщики на 2руб. больше. Работающие здесь мальчики зарабатывают по 5рублей в месяц. Работа тут кипит неустанно.

-Лестно побольше отработать, потому у нас с каждой штуки барыш. Не как у иных прочих, которые поденно. Там и балакать можно, а нам неколи. Смотришь – побалакаешь, побалакаешь, а из кармана гривна – то и выскочит.

При нас стали вытаскивать из муфеля раскаленные чугунные котлы.

-Поспели, братцы!

-Готово кушанье, пожалуйста!- пересмеивались рабочие, жарясь на огне.

Посуда стала совсем сквозною. Точно из рубина выделана она, - так и горит алым блеском, по которому изредка бегут золотые змеи и зигзаги или начинают сверкать какие-то мелкие звездочки. Жара стояла в этом темном сарае страшная. Сразу нас потом прошибло. Целые горы сверкающей посуды выростали в этом сумраке.

-Скоро же она у вас стынет.

И в самом деле, через несколько секунд рубиновые котлы принимают цвет альмандинов или кровавика, делаются темно- малиновыми и, наконец, чернеют на глазах. Жару и блеску как ни бывало, опять прохлада и тень охватывает нас со всех сторон и только за заслонками муфелей шуршит кровожадное пламя, облизывая новые жертвы, брошенные ему рабочими. В трех таких печах за год сжигается сравнительно малое количество дров – не более 1500 саж.. У муфелей не такой аппетит, как у домен и вагранок.

-У нас они малым довольны, не то что на заводах. Там ненасытные утробы: сколько ни вали дров, все сожрут!

В конце концов котлы почернят снаружи особым составом – и дело окончено.

Весь в белой пудре мельник вышел в эмальировальню за чем-то.

-Женатому наживщику!

- Ладно!

-Чего ладно? Ты чувствуй, коли тебе артель почтение делает. Мы тебя снисхождаем,- ты это и понимай.

-Какое это почтение? – спрашиваю.

-А потому они женатые, им против холостых на 1р.50к. больше в месяц идет от артели.

Зашел я в отделение, куда поступают чугуны, привезенные с заводов.

-Ишь, немые рожки!- смеется рабочий.- Вот мы их сейчас умоем.Сейчас купать, - полезай-ка в воду. Нечего!...

Чугуны, действительно, стали выкладывать в чаны, где тускло поблескивал раствор купороса.

-Зачем это?

-А как иначе?Надо, чтоб ржа сошла. Еще пока грунтом – то залиют его, повозишься с ним , с чугуном. Мелким камнем его отскоблим, потом в холодную воду положим, а оттуда в горячую, опять отчищать. Они у нас , чугуны эти,- что пшено: пока в кашу пойдет, в семи водах побывает. Ну , а как из кипятка вынем, насухо вытрем и – давай заливать грунтом.

-На всякое, брат, дело –своя наука.

- Тут без сноровки нельзя, потому требуется, быстро чтобы!- словно ронял рабочий, заливая чугуны грунтом.

И мы, действительно, любовались на быстроту его работы.Нальет беловатую жидкость, живо всполоснет его котелок до краев и ставит его около; на секунду отвернешься, а уж целая гора таких котлов выросла у него под руками.

Superbe!Admirable!Parfait!- восторгался француз Гюитьер, любуясь быстротой этой работы.

-Чего это он?

-Нравится ему, как вы работаете. Хвалит он вас.

- А по какому он балакает, по немецкому?... Ишь ты, как его тронуло. А если нравится, он бы нам честь – честью по -русскому сказал. И сколько этих необразованных нациев-страсть!...

Песочное - это целый городок. Здесь прекрасные кирпичные дома. Широкою улицей, обставленной ими, мы отправились на чугунно- литейный завод, где работает громадная доменная печь, где пока еще не устроен аппарат Паре, усовершенствованный на месте для людиновской печи. Мы не станем описывать самого процесса производства здесь, чтобы не повторяться. Оно такое же, как в Людинове. Приведем только сведения о рабочих и их вознаграждении. У песочинской домны работают 23 мужчины и 6 женщин. Первые получают: поденно по 40 копеек в будни и по 50 копеек в праздники, вторые – по 30 коп. в день. В сутки домна переваривает 500 пуд. руды, а в неделю 3 000 – в металл, который тут же обращается в те или иные изделия. При мехах у этой домны состоят четверо взрослых и один подросток, получающие по 50 коп. в день. Литейщики в Песочном вознаграждаются уже очень хорошо. Без прогулов порядочный работник получит в этом цехе до 60 руб. в месяц. И это вовсе не исключение.

Грохот и шум встретили нас в слесарных , которые, разумеется, менее значительны, чем в Людинове. Но и тут свист пара, шорох ремней, громыханье приводов, визг железа и стали под пилами и стук механических ножей, обрубавших куски готового уже металла,- охватили меня знакомою музыкой упорного труда, которая уже не только стала привычна, но и приятна для моего уха. Суровые лица, наклоненные над слесарными станками, железные опилки, засыпавшие волосы и бороды работающих здесь людей, кислородный запах железа, пропитавший воздух этих мастерских- все то же, что и в недавно оставленном Жиздринском Шеффилд.

Слесаря здесь зарабатывают до 15.р. в месяц. По пути привели меня в громадную черную пещеру, в которой медленно двигалось такое же громадное колесо. В сумраке оно только чувствовалось и слышалось. Я не видал его и от этого эффект обстановки только выигрывал. Мерещилось что-то чудесное....Точно попал в старую сказочную башню, где ворочается, скрипит и тяжело дышит легендарное чудовище, тяжелыми железными цепями прикованное к старым, мохом и плесенью покрытым, степям. И цепи эти давно проржавели, и бойницы башни давно заросли сплошною массой зелени, так что солнце уже сотни лет не проникало в сырой мрак этого подземелья, а чудовищу все нет выхода, и крепко зарок , положенный на него каким –нибудь средневековым монахом или святым. В самом деле, в этом сумраке, в этих громадных пещерах и каменных сараях воображение невольно начинает работать, и разом переносишься в мир былин и дивных сказаний, которые еще в детстве так чутко и больно заставляли биться впечатлительное сердце....Из этой башни и попал в другую, где тоже сгустился мрак, где от стен веяло стариной; но тут стояла тишина.. Только изредка какой-то порох проносился в вышине и , закрыв глаза, я живо уходил за двадцать пять лет назад в иную, полную солнечного блеска и тепла страну. Вспомнилось, как мальчиком забежал я в ветхую руину . Было это в Дербенте. Меня давно интересовала выдержавшая тысячелетие башня, на вершине которой поднялся целый лес всякой ползучей зелени. Яркие цветы вырывались из скважин старого камня; на обвалившихся и изгрызенных временем зубцах трепетали под южным теплым ветром ветви гранатника и миндаля, ярко - розовые цветы которого на этот раз как-то особенно красиво выделялись на голубом фоне безоблачного неба. В одной из стен этой башни зияли не ворота , а точно брешь, когда-то пробитая неведомой могучей силой, да так и оставшаяся. Помню, как я забежал туда и точно зажмурился. За брешью был свет и тепло Божьего дня, задорно пели птицы и колыхались зеленые ветви, а тут густился холодный мрак, поверхность камней была влажна, какие – то в этой тьме висели сверху черные нити, не то поросли, не то сети громадных сказочных пауков. За стеной немолчно шумело теплое голубое море, а тут стояла мертвая тишина и только ящерица, шуршала, порою пробегая по камням, да где то в глубине этого мрака слышался печальный звук капель, падавших сверху на влажную поверхность ноздреватого песчаника. Совсем напомнили мне эти старые ощущения темные сараи Песочинского завода, точно не было двадцати пяти лет, точно глаза еще так же хорошо раскрыты на дивный мир и детское сердце бьется в груди, точно стоит мне только выбежать назад, чтобы надо мной раскинулось темно синее небо далекого юга, ласковое голубое море подкатилось бы с музыкальным стоном к самым ногам моим, запели бы с музыкальным стоном к самым ногам моим , запели бы свои громкие песни не здешние, не северные, птицы и теплый ветер принес бы мне в лицо, разгоревшееся от жара и любопытства,

целую волну чудных благоуханий , где с тонким ароматом миндаля смешивается дыхание пурпурных гранатных цветов и едва слышится фимиам голубых скабиоз.

Но время не терпит. Поэтические грезы разлетаются как дым. Спутник торопит меня поскорее сойти вниз.

Тут из отверстия домны уже струится слепящая глаза спелая жидкость – чугунное молоко. Около возятся человек шесть рабочих . В стороне , точно гроза надвигается на нас , все ближе и ближе, гремит в фурмах стремящийся туда воздух. Все то же , что и в Людинове , - разница только в заработной плате . Народ внизу у домны получает от 55 до 80 коп. в день. В хорошее время зарабатывает и все 30 р. в месяц. Отсюда рукой подать в мастерские котлов и прочей чугунной утвари. Тут пахнет землей, в которой отливают эти вещи. В окна скупно смотрит яркий за этими стенами день. 250 мастеров , молча склоняясь над массами черной земли , формируют в ней чугунную посуду. Тишина... Слышится только шорох какой то, да порой как-то особенно резко проносится чей – нибудь окрик...И руки и глаза рабочих покрыты этой черной, мягкой, мелкой, как пудра , землей.

В ней они копаются с утра до ночи. Работа легкая, в прохладе. Не надо жариться у домны и насилывать свои мускулы. Тут, напротив, нужна осторожность, внимание требуется прежде всего. Заработок по труду – не малый : от 20 до 30 руб. в месяц получит средний мастер, легко отливая в день от 20 до 30 штук всякой чугунной посуды.

-Сколько здесь всего готовится посуды?

- Да до полутора тысяч пудов в год. Теперь я вам покажу наше чистое дело-фаянсовое. Оно тут же не далеко.

Мы вышли из душных сараев и темных помещений завода.

Солнце ярко и весело светилось в окнах щеголеватых домиков. Первая зелень точно тянулась к нему каждую своею веткой, словно ей хотелось поскорее и как можно больше наглотаться этого тепла. Рокот реки доносился издали. Первые ласточки зигзагами неслись в чистых волнах весеннего воздуха. Из под серых комьев суховатой земли энергично выбивалась первая трава, ожидая первого теплого дождя, чтобы, на радость крестьянству, заполнить все эти, пока еще лишённые растительности пространства. Весело мчались кони по ровной дороге; стук копыт раздавался далеко, далеко...Ребятишки сбегались навстречу.

И в природе, и в душе расцветала весна, бросая на самую будничную действительность свой поэтический отсвет.

ХII. Два петуха, или тевтон и галл. -Бабье царство. - Фаянсовое дело

Невообразимо тупого вида немец встретил нас перед фаянсовым заводом.

Мой француз Гюитьер, как только увидел его, тотчас же ошетинился.

-Скажите, пожалуйста, что нужно этой немецкой фигуре?- обратился он ко мне.

-Он управляет финансовым делом.

-С каким удовольствием я утопил бы его со всеми его соотечественниками в этом чану.

И Гюитьер уставился на громадные вместилища- чаны, в которых была налита белая масса – смесь песка и глины, из которой готовится фаянс. Немец, в свою очередь, косился на Гюитьера.

-Скажите, зачево француз издесь?

Я ему пояснил, что посетитель – техник, знаток этого дела.

-Француз ни пачево не знай! – И немец еще пуще надул щеки.

Прибытие хозяина остановило пыл воюющих сторон. Немец разом как-то осел и стал петушком забегать перед владельцем; француз только косился на врага и изредка фыркал.

Мы прошли через мельницу, размалывающую белый песок и особенную, пригодную для фаянса, глину в одну массу, мимо водяного колеса, глухо работающего над Болвой, мимо громадной печи, где выпаривается фаянсовая масса. В мастерских мы попали совсем в бабье царство. Направо и налево, впереди и позади сидели сотни женщин, усердно работавших из готовой массы тарелки, сливочки, вазы, чашки. Я даже растерялся в первую минуту перед этой массой амазонок, нужно правду сказать, показавшихся совсем красивыми после виденных мною захудалых и обмякинувшихся баб Жиздринского и Рославльского уездов. Держали они себя в высшей степени скромно. Ни одна не подняла даже головы, когда мы проходили мимо. Имея дело с белыми, мягкими массами сырого фаянса, и сами они точно поддались тому же: белые, с мягкими чертами лица, с добрыми глазами, они производили положительно отрадное впечатление. Гюитьер, с истинно французскою любознательностью, на этот раз изменил своей поэзии механического производства и увлекся иною поэзией – форм и красоты. Он то и дело останавливался перед работницами и для извинения себя пояснил мне:

-Вы знаете, эта очень похожа на мою жену!

Allez tougour! –одобрял я его.- Все равно, ведь, я не увижу вашей жены и не расскажу ей ничего.

-Да вы не так понимаете... Какая роскошная блондинка,- посмотрите!

Немного погодя, к нам присоседился немец. Француза это чрезвычайно взорвало.

-И что делает этот паук здесь!- возмущался он.

- Сколько у вас работает здесь женщин?- обратился я к растерявшемуся совсем тевтону.

- Четыре сот. И один, два сто mit половина мужчин.

- Что получают женщины?

- Сами розли.

-Ничего не понимаю!

Сами толсти, - терялся немец,- поздоровши?...Дрейсиг копейка в день.

Видя, что этот представитель великой германской расы совсем безнадежен для расспросов, я обратился к другим источникам. Бабы здесь на своих харчах, также как и работники. Всех их – женщин 400, мужчин – 250. Вырабатывают они посуды на 100 000 руб., или 25 000 пудов. При этом женщины получают с сотни 45 коп., также как и мужчины, с тем различием, что в то время, как первые могут сделать в день восемьдесят пять штук посуды, вторые выработают и всю сотню. Несмотря на совместные работы тех и других, нравственность их не оставляет желать ничего лучшего. Дай Бог и другим местностям позаимствоваться этим у песочинского царства амазонок. В местной больнице сифилис неизвестен вовсе, за то распространены болезни дыхательных путей от постоянного обращения с сырыми и влажными материалами, от воздуха, пропитанного белой пудрой.

Ну, а пьют у вас?

--Бабы – никогда. У нас баба серьезная, не то, что в других местах. Здешняя баба – домовница.

-А мужики?

-Пьют, только мало. Так чтобы, как в иных прочих местах, повального да сплошного запоя здесь не слыхано вовсе. Тут, ведь, кроме этого дела у каждого есть еще свое: огороды, у кого - поля; живут не нуждаясь. Опять же и припасы нам дешевле стоят.

Оказалось, что заводоуправление продает хлеб и прочие продукты по той цене, по какой они обошлись в покупке.

Так, в 1880 году пуд хлеба у частных торговцев стоил 96 коп., а в магазинах Мальцовских его отпускали рабочим по 80 коп. В 1881 г. цена на хлеба в вольной продаже возросла до 1 руб.75 коп., а владельческая заготовка доставляла его населению по 1р.40к. – 1р.50коп. Вид у здешних работниц, действительно сытый и нет вовсе болезненных лиц. Целые ряды баб, сидящих на высоких табуретах, вертят голыми ногами станок вниз; вверх же на форму нашлепывается мягкий фаянсовый блин, обравнивается по мере быстрого кругового движения и скидывается на целые массы таких же готовых уже около. Между бабами пропасть детей, они ничего не делают, только присматриваются к делу. Это все семейства работающих здесь женщин. Одна девчурка усталилась на нас широко раскрытыми глазами. Гюитьер что-то заговорил по – французски; она сейчас же назад и в подол к матери.

-Чего ты, Нютка, чего ты?- унимает та.

-Боюсь, боюсь...

-Чего -ж ты боишься-то?

-Страшный какой энтот-то...Боюсь...

-Трудна ваша работа?- спрашиваю я у одной из женщин.

Низко, низко наклонила она голову, тоже видимо застыдилась.

-Не..У других тяжелше.

А нога все также машинально и быстро работает, так же верно рука обминает на форме фаянсовый блин, придавая ему желаемую форму тарелки.

-Долго ли вы здесь работаете?

-Да по десяти часов в день,- начинает ободряться работница.

-Ты замужем?

-Каже...У меня и муж тут же.

-Кто же у вас за домом присматривает?

-Старуха свекровь. У нас , у заводских, хозяйство малое, округ себя много ходить не приходится. В праздники или вечером все дело справим.

Заходил я потом в дома, где живут рабочие; бедно, но чисто все, видна привычка к опрятности, этому комфорту нищеты и труда. Дети одеты как следует, полы вымыты , стекла окон тоже сквозятся; видимое дело – не дают им тускнеть на солнце.

-Мы по этой работе к чистоте привычны.... Все время дело с чистым имеем.

Мой вывод в одной из прежних глав, что работа кладет свой отпечаток на человека, и здесь на первый взгляд оправдывался как нельзя лучше. Все было так мягко, добродушно.... Являлась какая-то идиллия заводского труда. В магазинах, куда мы зашли по пути, чуть не до потолка все было завалено уже готовой посудой. Тут заведывали ею тоже бабы. Вещь хрупкая, а женская рука гораздо пригоднее для нее, чем мужская. Бою здесь мало. У мужчин, пожалуй, пятую часть пришлось бы выбрасывать.

Вот другое отделение.

Сидит какой-то серьезный рабочий и разрисовывает фаянсовый круг.

-Что это вы делаете?

-Расписываю ...манометр! – говорит нехотя, видимо блюдет свое достоинство.

-Хорошо это у вас выходит!

Рабочий взглянул на нас благосклоннее.

-Потому мы – артисты, не то, что мужичье другое. Тут искусство надобно. Тут без таланта ничего не поделаешь.

- Эти не пьют совсем,- замечает мне спутник.- Им нельзя,- они блюдут свое достоинство и сдругими рабочими чинятся.

Откуда – то выюркнул наш немец с бычьей шеей. Болтает что то, размахивая руками, сияясь очевидно выражаться по-русски. Но рискованное плавание по морям неизвестного ему языка оказывается в конце концов невозможным и потерпевший аварию тевтон спешит заползти в первую попавшуюся гавань.

-Сколько вы лет в России? – любопытно я.

-- Двадцать два года.

Я только ахнул. Прожить двадцать два года в стране , где около никто не знает по-немецки, и не выучиться местному языку – на это нужна истинно тевтонская глупость и неподатливость. И , ведь, живет здесь совсем пустынно: сам объясняет , проезда зимой нет никуда. Скучно, как в Сибири.

-Ну, и вы скучаете?

-нет. О, я привыкай надо! Мне фогель есть.

-Какой фогель?

-Много фогель есть. И с эти фогель я ни хит знай скука.

Оказалось, немец держит и воспитывает пропасть птиц, которые у него свободно летают по всему дому. С этими птицами он в конце концов совсем разучится от какого-то ни было языка.

Фаянсовые изделия здесь, прежде чем пойти в продажу, прокаливаются в печах; их пробуют, сдадут ли , или треснут они.

-Они положительно лучше нашей французской тарелки!- замечает Гюитьер .- За фарфор могут идти. У нас было бы невыгодно делать так хорошо.

Несколько мальчиков расписывают тарелки красками ниточкой всевозможных цветов по краям. Потом готовую уже посуду глазируют. Печи для глазировки – каждая с любую комнату. Посуда помещается в колоды и запирается герметически. Колоды ставят в печи одна на другую, массами. Дрова в отделении снаружи. Внутри печи жар проводится трубами .Тарелка, когда ее покроют глазурью, является совсем красною, а вынуть из печи, где она протомится сутки, - вся побелеет от сильного жара. Мы зашли внутрь одной печи , холодной разумеется. Небольшое семейство могло бы с удобством разместиться в ней. Кирпичи совсем сплывались, и внутренняя поверхность этой библейской жаровни блестит, точно и она покрыта глазурью. Библейскою эту печь я назвал потому, что, вероятно, трем еврейским отрокам пришлось поместиться в такую же.

В окна зыблется разлив Болвы. Солнце горит в нем слепящим глаза светом. Выходим . Массы черепицы сложены во дворе. Громады огнеупорного кирпича - тут же. Оказывается, здесь ежегодно готовится до 100 000 штук. Он в продажу не идет, а весь потребляется заводом. Я обратил внимание на штабели сложенных здесь превосходных дров, предназначенных к уничтожению в этих печах. Дрова оказались в два аршина длины. Считая номинально их стоимость по 2 руб., так как они из своих лесов, заводам обходится по 5 руб. сажень, так как вывозка их оплачивается в 3 руб., иногда даже крестьянам за доставку идет и по 4 р.Ежегодно сжигается в фаянсовом заведении до 3 000 таких сажень, считая в том числе сучья, тоже необходимые для дела.

-В последнее время мы дрова жалеем.Экономия пошла, больше сучья жжем.

-Можно ли применить отопление каменным углем ?

- Можно, только надо перестроить печи.

У водяного колеса машинист грызется с бабой.

- Что она, обидела тебя?

-Баба, брать, всякого с полным удовольствием обидеть может! Тут вот как дело было» в воду одна девка провались, под колеса... Мы думали – пропала. Так нет же , и вода ее невзяла: нате вам, а мне , дескать , не надо, - назад ее выбросила. Толькомалость водяной ее мимоходом попортил, - ну , да девке это еще в удовольствие.

-Ну, как вы находите наш фаянс?- обратился к технику – французу владелец.

-Слишком хорош для фаянса . Я уже говорил, что это почти фарфор.

- Да, нужно готовить не так. Не хотят платить покупатели. Говорят, давайте такого, какой похуже.

-И слишком много материалу идет. Слишком толст выходит. Это роскошь.

-Тонкие будут гнуться, коробиться. Чем тоньше, тем больше выходит косых. Нужно делать толще внизу, он поддержит.

Дети суетятся, таская к формовщикам украшения из фаянса, крышки, «пирожки», как называют они эти белые комья, принявшие под прессом правильные фигуры. Тиснет их мальчуга и сам на свою работу любит. Другой, поопытнее, понимает, в чем их дело, и работает без оглядки, чтобы побольше пирожков этих сделать и сообразно этому покрупнее заработать.

Когда мы поехали назад, навстречу нам то и дело попадались крестьяне в замечательно пестрых костюмах. Калужская губерния сказывалась. Сарафаны, пояса на рубахах все это представляло самые разительные сочетания красного, желтого, зеленого и других цветов.

-Совсем как у нас в Арле!- любовался этим наш француз. Какие чудесные места попадаются здесь по Болве, какие прелестные убежища и острова там, где эта река делится на красивые, капризно извивающиеся рукава! Летом там густая поросль. Зяблики, синицы, иволги облюбовали эти урочища. Вон где то кукует кукушка и другая ей откликнулась... Первая одном острове, другая – в соседнем; третья раззадорилась и тоже вступила в концерт, откуда – то издалека... Случается, что иногда так вся окрестность раскукуется. В лесах редко, редко старый дуб попадется, громадный и сумрачный, последний остаток когда – то росших здесь дубовых лесов.

ХIII. Любохна.

Мы едем по старому шоссе. С холма на холм перебрасывается оно , то забегая в леса, то раскидываясь по зеленеющим уже после вчерашнего теплого дождя полям. Весь этот весенний пейзаж еще красивее кажется в утренней дымке. Деревья после ночного сна точно расправляют свои ветви в прохладном воздухе. Направо и налево из лощин навстречу нам выбегают любопытные, опушенные садиками деревни. Ранний дымок

курится изо всех труб; где-то неистово орут деревенские фальцеты- петухи, забирая такие ноты, что любой итальянский певец побледнел бы от зависти. Мы то и дело перегоняем артели рабочих, пробирающихся после долгих праздников на заводы. Вон деревенька взползла на самое темя холма. Въехав туда, мы и впереди и позади видим пригорки за пригорками; одни едва мерещатся, другие мягко круглятся под нашими ногами. В топких берегах по лощинам капризно извиваются выбежавшие из леса речонки. Темно-зеленым бархатом стелятся озимые; еще темнее кажутся они потому, что первые ростки поднялись из черных комьев еще сырой земли. Ранние цветы кое-где уже подняли по лугам свои голубые головки. Овсянки и жаворонки празднуют возврат весны на тихих полях этого трудового края. Вон, вддали, показалась масса изб и кирпичных домов. В утреннем тумане еще воздушнее кажется красивая белая церковь, с честью занявшая бы место в любом губернском городе. Здесь, впрочем, все таковы. Дятьковская, людиновская, ра...кая церкви еще изящнее и богаче. По мере того, как мы подъезжаем к Любохне, солнце разгорается все ярче и ярче, туман уносится в голубой простор недостижимого неба. Теперь, даже петухи оравшие во всю дорогу, успокоились. Тишина охватила окрестности...

Когда то здесь стоял большой сахарный завод, но производство оказалось столь невыгодным, что его пришлось закрыть.

С заметной переменой климата свекловица здесь перестала выспевать, а привозить ее издали невозможно. Когда сахар перестали варить, местное крестьянство осталось было без работы. Его тотчас же заняли на водочном заводе, еще и до сих пор пока действующем, и на других, о которых мы скажем ниже. Первый сахарный завод в России был выстроен отцом нынешнего Мальцова в Любохне, в одно и то же время с Наполеоном, введившим это производство во Франции. В Киеве поставлен памятник Бобринскому, как основателю этого дела, тогда как Бобринский приезжал сюда учиться ему Ивана Акимовича. Мальцова. Мальцов же уговорил его купить для этого имение в Смеле, на юге. В Москве для мальчиков воспитанников Иван Акимович нарочно выстроил маленький сахарный завод, чтобы они приучались к делу. Здание прежнего сахарного завода в Любохне не пропадет даром. В 1882 году еще здесь будет открыта громадная бумажная фабрика. Мы проходим в это помещение мимо колоссальных бочек. Прежде в них хранилось, выделывавшееся здесь, шампанское, теперь- водка. Оставив их за собою, мы входим в полировальню. Большие каменные точила, приводимые в движение водяным колесом, быстро вращаются в сумраке этой мастерской. Словно они хотят наперегонки перещеголять одно другое. Массы утюгов, доставленных с чугуно-литейных заводов, сложены около. Привезенные вчерне, отсюда они выходят отполированными и отделанными совсем. Пар стоит в воздухе, вода грохочет внизу, точно злится на колеса, что поднимают ее вверх, разбрасывая под потолком на мириады брызг.

С злобным шипением сбегает она с ободка колеса, чтобы сейчас же опять быть захваченной вверх. В этой мастерской за обточкой и полировкой утюгов работает до 30 человек народа, приготовляющего в год 10 000 пудов.

Вот, наконец, и самый бывший сахарный завод. Запустение пока полное. Встревоженные голуби, когда мы вошли сюда, сорвались с места и забились в уцелевшие стекла окон. Везде балки, руины, кучи мусора, остатки кирпичной кладки.

Еще целая громадная камера, где когда – то варился рафинад, отпускаясь отсюда ежегодно в количестве 100 000 пудов; около была белильня. Два громадных пузатых говардовских аппарата для варки в одном – свекловичного сока, в другом - патоки еще торчат на своих местах, сиротливо поглядывая на окружавшие их развалины. Солнце весело играет на их меди, лучи скользят и в темные углы, где лежат все те же балясины, остатки полов и крепежи. Здание когда-то было выведено в четыре этажа; теперь все это рухнуло, уцелели одни стены. Когда – то на месте этого завода стояла домна, принадлежавшая Голынским. Вырубив свои леса, Голынские принялись за леса окрестных владельцев. Единственным памятником хозяйства Голынских оказываются безлесные пространства вокруг Любохны.

Я всегда с сожалением смотрю на закрытые фабрики, остановившиеся заводы, на опустошенные имения, упраздненные мастерские, где когда-то кипел труд, а теперь только пауки по углам плетут свою паутину, да птица ищет прибежища от непогоды. Пусть солнце ложится сюда широкими просветами сквозь зияющие окна, пусть под прогнившими балками крыши воркуют голуби,- потрескавшиеся стены, обвалившаяся штукатурка, плесень, затянувшая углы, какие-то белые грибы, выросшие внизу в вечном сумраке подвалов – все говорит душе, что здесь давно не бывала нога человека.

Скоро на месте этой мерзости запустения закипит вечная суета неугомонного труда, из высоких труб завода повалит дым, застучат и запыхтят паровики, задвигаются колеса и приводы, и сиротливый теперь Говардов аппарат опять найдет себе какое –нибудь дело... Тогда, разумеется, эта развалина воскресшая не будет производить такого тяжелого впечатления...

Недалеко отсюда – пивоварня... В ней орудует немец, на жаловании у Мальцова. За год здесь готовится 20 000 ведер пива превосходного вкуса и без всяких вредных примесей. Работают здесь 25 человек мужчин и женщин. Вознаграждение получают они: мастера от 15 до 18 руб. в месяц, чернорабочие от 9 до 15 руб., женщины до 6 руб. Мы с наслаждением выпили по стакану здешнего пива и уже после того отправились на шлюзы, устроенные около.

Разлив Болвы здесь был особенно красив. Льдом недавно разбило мост; пока построится прочный новый, был проведен для железной дороги временный. Сообщение таким образом не останавливалось ни на один день. Глухой шум и точно какие-то пушечные удары, только далекие, доносились к нам из сараев, стоявших около. Мы пошли туда. Кучи рабочих и баб возились в лесопильне, мельнице и глиномочильне. В пильне мы нашли двенадцать человек; все они на задельной плате. С каждого кряжа в двенадцать вершков в диаметре им выдается по 20 коп. В остальных заведениях работали и бабы. Машинист получал там по 70 коп. в день, рабочие - по 40 к., женщины – по 20 к. и девочки – по 15 коп. Отсюда открываются дивные дали. В подполье, недвижимое, как зеркало, входят мысы, поросшие кустами и еще сквозными пока рожицами. Далеко, далеко отступил лес; из-за смутной, синей каймы его едва мерещится какая –то церковь...

Крест ее то блеснет, как звездочка, то потухнет опять.

Около нас, у самого шлюза, кипит суетливый труд. Десятки труб дымятся над спокойной гладью разлива и неугомонною, пенящуюся от злости, водою шлюза. Новые дома

строятся тут; слышатся удары топоров, стук молотов и обрывки песен. Рабочие таскают бревна, сгибаясь под их тяжестью. У нового моста, словно муравьи суетятся они, облепив его отовсюду. Слышится чей-то окрик... А тут же, только немного в стороне, мирное небо, с которого веет благоговейной тишиной, опрокинулось в воду, смотрится в нее... По самой середине воды остановилась, точно заснула, маленькая лодочка и какой-то седой старик замер в ней, с удочкой в руках...

Когда я пошел прочь от мастерских и пильни, когда шум их мало – по – малу замер, – до меня из затонов и заводей донесся гомон всякой веселой дичи, слетевшейся сюда на весенний пир, празднующий воскрешение природы. Низко, низко пронесся коршун, раскинув свои широкие, серые, кажущиеся неподвижными, крылья, – пронесся и точно канул в какую – то болотину... Не прошло и несколько мгновений, как он быстро всплыл в выси, крепко держа в острых когтях своих какую-то малую птичку.

- Ишь подлый! – замечает около меня сумрачный крестьянин.

- Охотник тоже!

- Какой он охотник!... Он точно вор... Что ему птаха сделала?

- Тоже есть хочет. И человек человека, тоже бывает, клювом по затылку – цоп! – и готово...

Где-то послышался гулкий выстрел. Из далекой заводи тучей поднялась дичь и полетела мимо нас дальше. Вот другой выстрел гремит им в дорогу... А день становится все жарче и жарче. Мимо фаянсовой фабрики мы прошли назад.

Вот заведение для выделки черепицы из превосходной здешней глины; доставка ее, благодаря железной дороге, обходится по копейке за пуд. Пока дело в начале, здесь готовится 5 000 штук черепицы в неделю, но несомненно, что оно разовьется еще шире.

Я пошел в самое село.

Чистые, красивые дома... Тихо струится небольшое озерко. У берега плещет шаловливая рыбка. Я сел около. Мелкий нарост ее поднялся тут же к ногам нашим и повис в воде... Смотрит на меня глупыми глазами. Солнце сквозь прозрачную влагу золотит их зеленые спинки. Потянуло ветром, и по спокойной глади только пыль пробежала... Вся она подернулась легкой зыбью...

- Чудесная погода будет сегодня! – слышится позади.

Оглядываюсь.

- почему вы думаете?

- А на телеграфные проволоки посмотрите.

- ну, так что – же?

- Ишь, рябочки на них насели. Это примета верная.

Вас. Немирович-Данченко

(Продолжение следует)